

Александр Степанович Грин

Медвежья охота

Александр Грин
Медвежья охота

«Public Domain»

1915

Грин А. С.

Медвежья охота / А. С. Грин — «Public Domain», 1915

«Помещик Старкун трижды напомнил своим знакомым, что вдовому, старику скучно сидеть одному в имении, занесенном снегом. Мало кто отозвался на его письма. Большинство, помножив в уме деревенскую тишину на отсутствие напитков и развлечений, осталось в тени. Старкун наконец догадался, в чем дело, и, вытребовав из соседней деревни медвежатника Кира, заказал ему медвежью берлогу. На другой же день Кир, отрывая жесткими пальцами сосульки с заледеневших бороды и усов, стоял перед Старкуном и докладывал, что берлога есть. Тем временем другой мужик, сметливый и лукавый, отправился в Петроград с несколькими записками и привез оттуда два больших таинственных ящика, в которых, когда их поворачивали, что-то булькало...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	9

Александр Грин

Медвежья охота

I

Помещик Старкун трижды напомнил своим знакомым, что вдовому, старику скучно сидеть одному в имении, занесенном снегом. Мало кто отозвался на его письма. Большинство, помножив в уме деревенскую тишину на отсутствие напитков и развлечений, осталось в тени. Старкун наконец догадался, в чем дело, и, вытребовав из соседней деревни медвежатника Кира, заказал ему медвежью берлогу. На другой же день Кир, отрывая жесткими пальцами сосульки с заледеневших бороды и усов, стоял перед Старкуном и докладывал, что берлога есть. Тем временем другой мужик, сметливый и лукавый, отправился в Петроград с несколькими записками и привез оттуда два больших таинственных ящика, в которых, когда их поворачивали, что-то булькало.

Вооруженный, таким образом, двумя хорошими развлечениями, Старкун снова разослал письма приятелям, и вот, опаздывая, ссорясь, облизываясь и препираясь, собралась и выехала наконец из Петрограда солидная компания охотников и любителей кутерьмы, среди которых был Константин Максимович Кенин, молодой человек с пылким воображением, неразделенной любовью и страстью к приключениям. Кенин служил в посольстве.

Накануне выезда к Старкуну Кенин зашел в дом 44-б по Фонтанке – нелепый, старый, но самый очаровательный для него дом в столице, где жила «она». Мария Ивановна Братцева, девушка двадцати лет, немного полная, крепкая, высокого роста, с одним из тех красивых и пустых лиц, какие большей частью неотразимы для молодых, сильных и здоровых мужчин. Ее глаза были почти бесцветны, брови высоки и малы, но простая, свежая линия профиля, мягкий на взгляд, свежий и крупный детски-задорный подбородок страстно тянули Кенина к ней как к женщине. Братцева носила галстуки мужского покроя, белокурые с желтизной волосы свертывала пышным затылочным узлом, говорила веским, спокойным, грудным голосом, смеялась раскатисто; в ее присутствии Кенин испытывал томление и тихую любовную злобу.

– Так что же, – сказал Кенин после одной из пауз, обрывая разговор о будущем кинематографа, – значит, у вас ко мне любви нет?

– Конечно, нет. Я ведь вам говорила... – Братцева взяла теплый платок, хотя в комнате было жарко, закутала плечи и пересела в другой угол, рассматривая Кенина внимательными, немигающими глазами. – Послушайте, какая любовь в двадцатом веке, – прибавила она, – и вам и мне нужно работать, делать жизнь.

– Как же вы хотите делать? – натянуто спросил Кенин.

– Да... так... Как выгоднее, удобнее, вкуснее... что ли. – Братцева рассмеялась и вдруг стала серьезной, сказав грустно: – Я, кажется, и любить не могу совсем; я по характеру – одиночка, и связывать себя не хочу.

«Я, по-видимому, и неудобен, и невыгоден, и невкусен, – подумал с раздражением Кенин. – Эта странная новая порода женщин и дразнит, и тянет, и... гневит... Молода, красива, служит в банке, с мужчинами на равную ногу и ждет какого-то случая...» – Вслух он сказал неуверенным, напряженным голосом:

– Я мучительно люблю вас...

– Ну, это пройдет... Киньте мне из коробки конфетку.

Кенин бросил, но неудачно, и Братцева несколько секунд шарила позади стула; затем, усевшись снова основательно и удобно, спросила:

– Вы долго пробудете на охоте?

- Дня два... не больше.
- Возьмите меня. – Она выпрямилась и благосклонно блеснула глазами. – Я, надеюсь, не помешаю вам?
- Что вы! – обрадовался и смешался Кенин. – Это так хорошо... с удовольствием... конечно, едем!.. Все, что хотите.
- С одним условием: если медведя застрелите вы – он мой.
- Оба ваши, Мария Ивановна, – я и медведь.
- Нет, пока что медведь. – Она так неопределенно вытянула эту фразу, что Кенин взволновался и радостно насторожился. – Где же мы встретимся и когда?
- Можно на вокзале... – задумчиво сказал Кенин и тихо прибавил: – Или у меня...
- Зачем же мне делать крюк? – наивно осведомилась Братцева. – Когда идет поезд?
- Одиннадцать с четвертью.
- Ну и хорошо, я приду к поезду.
- И не забудьте потеплее одеться. Кстати, дам, кроме вас, больше не будет.
- Так и должно быть, – сказала Братцева. – Один медведь – одной даме. Но только убить его должны вы.
- Да, – кратко и решительно подтвердил Кенин, чувствуя небывалый прилив уверенности, – но вы... и зачем вам нужен медведь?
- В таком подарке есть что-то значительное, оригинальное... мертвый медведь у моих ног, – нет, это стоит потерять сутки! – Она подумала и прибавила: – Говорят, шкура в отделке ценится в полтораста рублей.
- Какая отделка, – сказал Кенин и, посмотрев на часы, стал прощаться. Было полчаса первого. Почтительно и любовно поцеловав маленькую, но твердую, незаметно ускользящую руку девушки, Кенин, веселый и размечтавшийся, поехал домой. Медведь казался ему первым этапом в светлое будущее.

II

С часа ночи до пяти часов утра Кенин не спал, расхаживая по своей маленькой, холостой квартире и стараясь опередить воображением будущую охоту с ее милым ободряющим присутствием любимой женщины. Кенин курил папиросу за папиросой. Больше всего изумляло и радовало Кенина неожиданное решение Братцевой ехать с ним. «Это может быть милый женский каприз... а может... ее начинает бессознательно тянуть ко мне». Он не знал еще, что женщин, подобных Братцевой, инстинктивно влечет большая мужская компания, где в силу собственной холодности они чувствуют себя свободно, повелительно.

Хотя Кенин никогда не только не стрелял по медведю, но даже не видел его свободным, в родной лесной обстановке, он все же достаточно читал и слышал об этом звере и даже видел на кинематографических экранах подлинные медвежьи охоты. Поэтому, прищпорив фантазию, Кенин ясно увидел лес, снег, медведя, выстрел и агонию зверя. Все это рисовал он себе так: белая, утренняя, морозная тишина, палец на спуске, сердцебиение, самообладание; вдруг раздвигаются кусты, и страшная голова с оскаленными зубами рычит в десяти шагах, громовой выстрел – только один; пуля пробивает череп зверя меж глаз, и снова все тихо, конвульсивно содрогающийся труп миши лежит, зарыв голову в снег, а Кенин, спокойно закурив папиросу, трубит в рожок некий фантастический сигнал: «Тру-ту-ту-туту-тру-у!», трубит весело, коротко и пронзительно; а дальше начинался апофеоз, в котором сияющее, морозно-румяное лицо Братцевой играло главную роль.

Усталый и накурившийся до одурения Кенин наконец лег спать, предварительно полюбовавшись еще раз солидным американским штуцером-магазинкой, взятым в знакомого, и прицелившись раз пятнадцать в безответную ножку стула.

На другой день, в вагоне, бок о бок с Марией Ивановной, в кругу усатых, красноносых, неуловимо бахвальных лиц (выехали исключительно, кроме Кенина с Братцевой, пьяницы и охотники), Кенин почувствовал себя очень бывалым, почти американским стрелком и не уступал другим в детски хвастливых рассказах. Он, правда, мог говорить только о болотной и мелкой лесной дичи, но говорил так самолюбиво и много, что его наконец стали бесцеремонно перебивать. Часто он обращался к Братцевой, стараясь, не обращая внимания других, ввернуть тонкий интимный намек вроде: «А я все думаю»... «Мое настроение зависит от будущего»... «Мне весело, потому что»... – пауза, долгий, влажно-бараний взгляд, улыбка и заключение: «Потому что я вообще люблю... ездить».

Он не замечал, как спутники, взглядывая на него, подталкивают друг друга коленками и локтями, но Братцева была наблюдательнее. Взяв тон мило напросившейся, но поэтому и осторожно скромной в дальнейшем, хотя ревниво чувствительной к собственному достоинству особы, она спустя недолгое время стала центром и возбудителем общего внимания. Две бутылки коньяку, взятые на дорогу, совсем подняли настроение, а когда в сумерках не освещенного еще вагона хриплый баритон купца Кикина заявил: «А вот этого медведя, братцы, Марью Ивановну, заполевать куда бы почтеннее!» – девушка раскатисто засмеялась. Кенин посмотрел на нее ревниво и грустно.

III

Утром другого дня, проснувшись в жарко натопленной, большой, закиданной окурками и пробками комнате, Кенин смутно припомнил гул вчерашней попойки. Гости бушевали и пели, но удержались чудом в едва не лопнувшей рамке приличия. Мария Ивановна все время пересаживалась подальше от Кенина, громко бормотавшего пьяную любовную чепуху. Она одинаково ровной, задорной и разговорчивой сумела быть решительно со всеми, не исключая лысого, пузатого Старкуна, умильно целовавшего гостей в щеки и носы и щедро проливавшего водку по тарелкам и пиджакам. Кенин бешено ревновал Братцеву, посылая ей многозначительные, мрачные взгляды.

Кенин проснулся сам; было еще темно, но егерь Михаиле, человек строгой наружности, с свечой в руке командующим голосом будил остальных:

– Зря спите, господа; вставать надо, выезжать надо!

Через час собрались в столовой; завтрак на скорую руку – рюмка-другая на похмелье, синеющие, а затем голубеющие окна рассвета, стук ружей, шелканье осматриваемых курков – все это показалось Кенину живописным и необычным. К влюбленности его примешивалось сладкое ожидание опасности и успеха. В свете лунного зимнего утра спустилась вниз и Марья Ивановна; яркое, свежее лицо ее весело осматривало пустыми глазами компанию и обстановку.

– Ура, царица охоты, Марья Ивановна! – закричал Кенин, когда Братцева сказала, что она тоже поедет, ссылаясь на скуку ожидания в усадьбе. Кенин сказал: – Благословите, Марья Ивановна. За вашим медведем отправляется раб ваш в страшные дебри Амазонки.

– Ну, смотрите же! – Она так мило подставила ему руку для поцелуя, что Кенин растаял и шепнул:

– За что мучаете? – Но Братцева, как бы не слышав, ушла одеваться.

IV

Кенину на жеребьевке выпал хороший «номер». Он стал на дальнем краю небольшой, круглой поляны, с двумя, идущими влево и вправо от нее глубокими просветами. В такое широкое поле зрения медведь мог попасть весьма удачно для выстрела. Кенин осматривался, хотел закурить, но вспомнил, что это запрещено, и стал ждать. Сердце его билось с приличной быстротой, какая хотя и не говорит о трусости, но указывает все же на нервное томление и тревогу. Всюду, куда хватал взгляд, – царил снег. Белые пушистые лапы елей гнулись к земле, загромождая ясный, как вымытое стекло, воздух пышными узорами белизны; розовые и голубые искры дрожали в нем; снег внизу, теневой, казался прозрачно-синим, а солнечный – серебряной парчой с золотыми блестками. Анемично-бледное, ясное, холодное небо покрывало лес.

Впереди Кенина сердито и звонко лаяли невидимые собаки, припадая к берлогу. Кенин думал о медведе и Братцевой: «А если медведь загрызет меня, я больше не увижу ее». И он вспомнил, как ехал сегодня с ней в санях по лесной дороге и какой неотразимо желанной была она в своих белых – шапочке, кавказском башлыке и толстых, смешных валенках. Потом представился ему тяжелый сон зверя в темной берлоге, налитые кровью глаза собак, их вздыбившаяся, наэлектризованная яростным нетерпением шерсть... Лай собак стал еще хриплее, азартнее и громче. Кенин, не отрываясь, щупал глазами снежную полянку с ее боковыми просветами, как вдруг на противоположном ее конце из заросли можжевельника взлетел клуб снежной сухой пыли, и неуклюжее, темное, лохматое туловище, от которого шел пар, как от горячего теста, ворча и сопя, кинулось к месту, где стоял Кенин. Четыре сибирских лайки с налету рвали ноги и бока зверя. Медведь, проворно кружась волчком, старался расшибить лапой собак, но, промахиваясь, неся дальше. Кенин, стискивая дрожащими руками ружье, целился в медведя вообще – все охотничьи наставления о прицеле под лопатку, в лопатку, затылок и лоб разом, дружно покинули его память. Медведь был шагах в тридцати от Кенина, он выстрелил и спешно повернул рычаг штуцера.

Почти одновременно с гулким толчком выстрела медведь сунулся головой в снег; передняя половина его тела так и осталась неподвижной, в то время как зад и задние лапы, оседая, конвульсивно тряслись. Собаки отскочили, припали к снегу и бросились на врага снова.

– Ура-а! – неистово, дико закричал Кенин, понимая сквозь экстаз и трепет удачи, что с этого момента герой дня – он, Кенин. Спотыкаясь, побежал он к медведю, крича на рвущих зверя собак: «Кшшш! Пошли вон!»... – словно гнал мух. У ног его, продавив наст, лежала спиной вверх бурая туша; некоторое время Кенин ничего не видел и не понимал, кроме медведя.

Собравшиеся на выстрел и крик охотники шумной кучей окружили Кенина: «Везет новичкам». «Как раз в сердце попадено». «Нелепый выстрел». «Лепый – нелепый, а наша взяла», – слышал он, как во сне, но через несколько минут волнение улеглось, и Кенин увидел торжествующее, веселое лицо Братцевой. Она тоже пришла на выстрел и крики из оставленных неподалеку саней, где соскучилась ждать.

– Мой миша? – спросила она.

– Ваш, – сказал Кенин, все еще чуть не плача от радости.

– Какой большой. – Она присела, сняла перчатку и стала гладить теплый, как бы еще живой мех. Багровая густая кровь попала на ее пальцы; слегка гримасничая, Братцева спокойно вытерла руку о шерсть медведя и выпрямилась.

– Продайте медведя, барышня! – молитвенно возопил Кикин. – Сто рублей сейчас выложу!

Она посмотрела на него и что-то сообразила...

– Мало, – крикнула Братцева, – тут четыре окорока, господин купец, да шкура, да жир!

– Что вы, Марья Ивановна, – хихикая, суетился Кикин, – медведь худой, паршивый! Это уж я для вас сто даю.

Кенин изумленно смотрел на Братцеву. Она искренне деловито горячилась, доказывая, что медведь стоит двести, словно всю жизнь торговала медведями. Голос ее стал пронзительным и лукавым.

Сошлись на ста семидесяти пяти, и Кикин тут же отсчитал деньги; девушка, аккуратно свернув их, сунула за воротник платья; брови ее были при этом задумчиво сдвинуты, а губы плотно сжаты. «Как говорится, охулки на руку ты не положишь!» – с неприязнью подумал Кенин. Ему казалось, что он стал смешон в глазах всех, так как его подарок продавался тут же, при нем. Кенин грустно посмотрел на медведя. Большой, смелый, умный и ловкий зверь погиб от (и действительно!) шальной пули, ради семи четвертных, выторгованных хитрой, практической и холодной особой женского пола.

«Прости нас, – мысленно сказал Кенин медведю, вспомнив читанное где-то обращение дикарей к убитому зверю, – за то, что мы убили тебя!» И он вспомнил еще маленькие, справедливо-злые глаза царя русских лесов, когда он, отбиваясь от собак, бежал к смерти.

– Зачем вы сделали это? – спросил Кенин Братцеву, когда они возвращались к саням.

– Но это же предрассудок, Кенин! – возразила она. – Не все ли равно – лежит ваш подарок у меня в кармане или под ногами – ковром?

– Так-то так... – холодно сказал Кенин. Чувствуя, что эта девушка уже далекая и чужая ему, он в последний раз посмотрел на нее сбоку взглядом мужчины, и... сильное, голое, страстное желание вдруг отозвалось в его груди сильным, томным сердцебиением. Но и тени влюбленности не было уже в этой последней вспышке. Рассерженный и смущенный, Кенин нагнулся, схватил горсть снега и сунул его за ворот полушубка. Колючие, ледяные струйки потекли по спине. Вскоре показалась лесная дорога, возки и лошади.

– Вот теперь хорошо выпить, господа медвежатники! – крикнул, взясь около кулька, Старкун, и Кенин весело, всем сердцем, освобожденным от случайной любви, согласился с ним.